

ВАЛЕРИЙ
КАЧАЕВ

40 ЛИСТОВ
В КЛЕТКУ

Валерий Качаев
48 ЛИСТОВ В КЛЕТКУ

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Качаев В.

48 листов в клетку / В. Качаев — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Повесть о дружбе, любви и предательстве.

С первого по седьмое.

1 августа. *Суббота...* После игры решили обойти полигон – бывший дом отдыха какого-то бывшего оборонного предприятия. Место мне очень понравилось. Единственный минус – добираться долго. Но этот самый минус суцая мелочь в сравнении с явными преимуществами. Самое главное – удачное расположение: с одной стороны детский летний оздоровительный лагерь, владельцы которого возвели высоченный забор, отмежевавшись от соседей, с тыла река, с другого бока – глубокий овраг, так заросший, что не проберешься. Ну, а с дороги территория огорожена металлической сеткой. К тому же КПП осталось практически нетронутым. Его просто подкрасили, вокруг убрали мусор, поставили передвижной модуль, где хранится амуниция с расходниками, вот и все вложения. А большие, в принципе, ничего не нужно. Какие еще плюсы? Если вы никуда не торопитесь и у вас предостаточно свободного времени, здесь можно будет задержаться на денек-другой. Есть пара корпусов, не разграбленных мародерами. В окнах стекла, в комнатах стоят кровати. Правда, без матрацев, но для привыкших к полевым условиям людей это не бог весть какая проблема. Важно другое: над головой крыша, а в мангальной зоне можно приготовить что-нибудь перекусить, администрация разрешает. Хотя, наверно, не всем. Макса просто в этом клубе хорошо знают. Он, в отличие от меня, гипербобщительный. Язык что помело. Повсюду друзья. Порой кажется, нет человека в городе, который бы не был с ним знаком.

Очень впечатляет вид старой базы на закате – город-призрак с послевоенной архитектурой, затерявшийся в дебрях кряжистых деревьев. Разоренный и практически поглощенный надвигающимся лесом, в приглушенном свете опускающихся сумерек, он определенно волнует, пробуждает фантазию и немного пугает своим настороженным безмолвием. Мы неторопливо прошлись по его тихим, затерявшимся в густой траве аллеям, вдоль которых еще кое-где можно было встретить покалеченные временем и людским невежеством полуразрушенные статуи. Человеческие фигуры стоят на небольшом отда-

лении друг от друга, возникая из полумрака в просветах среди разросшегося кустар-

серыми призрачными тенями. Лишенные кто рук, кто ног, они, кажется, корчатся от боли и невыносимых страданий, навечно пригвожденные ржавой арматурой к обвалившимся кирпичным постаментам. Мы шли по тропинкам и заглядывали в их изуродованные лица, а те с нескрываемой грустью смотрели на нас сверху, провожая холодным безжизненным взглядом. Солнце уже скрылось за деревьями, когда, сделав по территории круг, мы вышли на поляну, заваленную разным хламом. Среди груды выброшенных за ненадобностью вещей, неожиданно для себя, мы наткнулись на странную семью. Это не были люди. Это были манекены. Три манекена – мужчина, женщина и ребенок. Максим вскинул свой маркер и с ходу, почти не целясь, выстрелил в «главу семьи», который восседал на пластиковом ящичке из-под пивных бутылок, и точно попал тому в лицо. Манекен пошатнулся и опрокинулся вместе с импровизированным табуретом на спину.

– Зачем?! – спросил я Макса.

Тот, не задумываясь, ответил:

– Напугал, зараза. Сердце до сих пор колотится. Фу... черт.

Мы подошли поближе. Странное чувство, но мне почему-то стало жаль, что так случилось. Выпущенный из пневматического ружья пейнтбольный шарик разбился, залив желтой краской лицо искусно изготовленной куклы.

– Прикольно, – сказал Максим. – Выглядят ну совершенно как живые. Сейчас таких уже, сто пудов, не делают, – он постучал костяшками пальцев по лбу розовощекого мальчишки, улыбающегося нарисованным ртом. – Из чего он, интересно? Знаешь, у меня появилась кое-какая идея...

– Пойдем уже, – я подтолкнул Максима рукой, и мы покинули поляну...

2 августа. Воскресенье. Проснулся утром весь покусанный комарами. Максим тоже не был ими пропущен – кровопийцы здорово поработали ночью над его лицом. В дырях и с опухшей губой Усольцева было трудно узнать. От привычной внешности моего друга остались только очки и знакомый щенячий взгляд. Мы вышли из пропитанного сыростью корпуса на белый свет и одновременно сделали глубокий вдох. Боже! Какой здесь восхитительный воздух! От обилия кислорода даже голова кружится. Коренным горожанам, наверно, никогда не понять, что они теряют, проживая в отравленных выхлопными газами безликих микрорайонах... Девятый час – время, когда начинают подъезжать автомобили с любителями активного отдыха. Потихоньку площадка у КПП стала наполняться легковушками. Остаться еще на день мы с Максимом не собирались. Хорошо выспаться на пленэре в эту ночь не получилось. Измученные комарами и продрогшие до костей, мы ждали, когда из обхода тер-

ритори *вернется* *старший* *по* *клубу,* *чтобы* *выразить*

почтение за радушный прием и попрощаться с гостеприимными хозяевами до следующих выходных. Смена в «Атаке» заканчивалась и Григорий – ответственный за порядок на полигоне, вместе со своим напарником ушел на обход окрестностей бывшего профилактория. К счастью, томиться в ожидании не пришлось. Облаченные в камуфляж, с маркерами в руках, они вышли из зарослей боярышника, хихикая и что-то громко обсуждая. Подойдя к нам поближе, Гриша еще пуце залился смехом. Выставив вперед указательный палец, он долго не мог остановиться и все тыкал им в лицо Максима.

– Что это с тобой? – спросил Усольцев.

– Ты себя в зеркало видел? – немного успокоившись, ответил Григорий.

– Хорош издеваться. У меня, может, аллергия на комаров. Гриш, извини, мы домой поедем.

– И что?

– В общем... Хотел у тебя попросить одну вещь. Мы вчера на свалке манекены нашли.

Они вам сильно нужны?

– Хочешь забрать?

– Ага, – Максим кивнул головой.

– Да ради бога. Как тебе откажешь?!

– Отлично! А что веселые-то такие? На коноплю набрели?

– Не угадал. На грибника.

– Неужели сам мистер Бин?

– Типа того. – Григорий нахмурил брови, – Пока грибы не появились, все было спокойно...

Через полчаса народу – не протолкнешься... приедут за тридевять земель! Для того чтобы с грибниками в чехарду играть?

– Так поставьте таблички. Знаки какие-нибудь.

– По всему периметру натъканы. Без толку.

– А что смешного-то, не пойму?

– Обходили территорию с Жемой. Идем себе, идем, а из кустов задница. Не поверишь, такая, – Григорий для образности выпучил глаза, – что палец сам на курок нажал! Богом клянусь! И прямо в яблочко! Мужик вскочил, за булки держится, шары навькат...

– Ну и че?

– Да ниче. Показали ему, в какую сторону двигаться, чтобы выход найти.

– В суд же могут подать.

– В суд? Я вас умоляю! Не то что в суд, перестрелять всех и спалить уже сто раз обещали. Скажи лучше, зачем тебе манекены? Муравьев дома разводить собрался? А может, ты извращенец?

– Сам ты извращенец.

– Ладно, ладно. Забирай. Все равно бы сожгли...

После крепких рукопожатий мы расстались. На поляну, заваленную хламом, подъехали уже на «мазде».

– Слышь, Макс, – спросил я, – а по чесноку, зачем они тебе?

– Хочу ролик постановочный сделать. По дороге все расскажу.

Мальчишку засунули в багажник. На заднем сиденье, с горем пополам, у нас поместилась неподатливая эсеница.

– Какие они все-таки тяжелые. Куда мужика?

– Положим в колею.

– Зачем?

– Проверить кое-что хочу.

– Что именно?

– Да насчет муравьев. Может, на самом деле в них жуки какие-нибудь водятся.

Мы положили манекен в рытвину, оставленную на дороге грузовиком. Максим сел за руль и переехал куклу. Я слышал, как под тяжестью машины у болвана лопнула грудная клетка. Тот дернулся, словно живой, его крашенные в телесный цвет руки конвульсивно вздрогнули, под колесом что-то затрепало.

– Давай посмотрим, – разглядывая сквозь толстые стекла очков содержимое рубашки манекена, произнес Максим. – Похоже, он был слеплен из опилок или стружки. Из чего-то такого. Муравьев вроде не видать. Ладно, тронулись. Солнышко пригревать стало. Как бы за рулем не уснуть.

Пока ехали, я задремал. Проснулся уже у въезда в тоннель.

– Выдрыхся? – заметив, что я зашевелился, спросил Макс. – Спи дальше, сейчас свет выключат, – произнес он, и тотчас нас накрыл сумрак подземелья.

Этот небольшой отрезок дороги мне всегда нравился больше, чем весь остальной путь. Не знаю почему. Может, из-за его необычности. Каждый раз, когда проникаешь внутрь холма, начинает играть воображение, оживляя почти утерянную связь с незаметно ускользающим детством. И каждый раз ждешь чего-то, прекрасно понимая, что ничего интересного здесь никогда не произойдет, видишь только скучные стены, и проложенные вдоль них коммуникации: провода, трубы, вентиляционные каналы.

– Зачем тебе манекены? Можешь объяснить? – спросил я Максима.

– Сделаем с ними ролик и выложим в интернет.

– Что за ролик?

– Ролик жутко страшный. Народ любит такие. Где смерть и реки крови. Сценарий в моей голове возник мгновенно, как только увидел нашу семейку. То, что фильм будет постановочным, никто даже не поймет.

– Суть-то в чем?

– Суть в следующем. Съёмка идет на видеорегистратор. Автомобиль, в котором он установлен, медленно движется по дороге вдоль домов спального района. На лавочках сидят пенсионеры, на детской площадке бегают ребятня. Мир и благоденствие. И тут... Бах! Откуда-то сверху, прямо под колеса машины падает человек. Разбивается в лепешку! Мозги летят повсюду, в разные стороны, и забрызгивают лобовое стекло машины!.. Ну, как?

– Да ну тебя.

– Это тебя да ну.

– А если кукла дрябнет на машину? И кто ее кидать будет?

– Скидывать манекен с крыши будешь ты.

– Я?

– А кто еще? Насчет того, что можно не рассчитывать, тут ты прав. Пусть падает немного поодаль. Получиться еще интересней; мозги как бы преодолеют какое-то расстояние, а уже затем попадут на стекло.

– Что за дикие фантазии?

– Нормально, нормально. Когда увидишь, что получилось, о той паре минут, что ты потратил, никогда не пожалеешь.

– Тебе надо было на режиссера идти учиться, а не на химика. Какой талант пропадает! Ну, а та, что на заднем сиденье развалилась, тебе зачем?

– Если с пацаном выйдет какая-нибудь осечка, она его заменит. В наше время трудно найти актера, который бы согласился участвовать в таком кино.

– Со сценарием понятно. Съёмку где собрался делать?

– Возле твоего дома.

– Возле моего?!

– Конечно. Я все уже придумал. Поверь, если бы я жил не на третьем, а как ты, на девятом этаже, даже разговора бы не было. Снимали бы в моем дворе. Сейчас я тебя завезу домой, а сам поеду в гараж. Как стемнеет, мы словимся и, пока никто не видит, поднимем манекены к тебе в квартиру. А оттуда на крышу. Оставим их там до завтрашнего утра. А уже завтра все и снимем. Ты скинешь куклу и тихонько спустишься к себе. Будешь выглядывать из окна, как и все зеваки, чтобы соседи на тебя не подумали.

Тоннель остался где-то позади, за разговором мы незаметно добрались до города...

Вечером, как и договаривались, Макс привез манекены. Доставили их в квартиру без особого труда. А вот подъем на крышу занял у нас довольно много времени. Мы кое-как втащили туда мальчишку, даже выбились из сил, пропихивая в люк его формованное тело – то руки цеплялись, то ноги не лезли. А он, словно издеваясь, продолжал улыбаться своим нарисованным ртом, все больше и больше нас раздражая. Пока дотащили его до края крыши, даже чуть не поругались.

– Бабу я не потащу, – сказал я, немного отдышавшись. – На фиг вообще повелся на твою авантюру! Тут и ежику понятно, что у меня сил не хватит толкнуть его так, чтобы он долетел до асфальта. Ничего не получится, только время зря теряем!

– Ладно, не кипятись! Сегодня бабу трогать не будем. Пусть у тебя немного погостит.

– А она мне нужна? Вези ее к себе.

– Да успокойся ты уже! Вещь стильная, можно сказать винтажная. Ни у кого такой нет. Постоит у тебя пару дней. И заберу.

– Завтра Вика придет. Что я ей скажу?

– Придет и придет. Скажешь все как есть. Ты что, перед ней отчитываешься?

– Нет... Слушай, в отличие от тебя, у меня всего лишь одна комната, и та съемная. Места лишнего нет. Если завтра что-то пойдет не так, меня вышвырнут из квартиры, как вишвого котенка. Это ты понимаешь?! И никакие выглядывания в окно мне алиби не сделают, потому что дома у меня стоит еще одна, точно такая же, кукла!

– Все будет нормально. Давай выберем место, где никому не помешаем. И тогда никто ничего не поймет. Вот здесь. – Максим перегнулся через невысокое ограждение. – Хороший участок. Прекрасно видно дорогу и от подъезда не так чтобы сильно близко, и вроде не далеко.

– С тобой бесполезно о чем-то спорить. Хоть кол на голове теши.

– Да расслабься ты. Ты же в отпуске!

Мы спустились ко мне в комнату.

– Ну, погляди, разве не чудо? – сказал Усольцев, с улыбкой разглядывая изящный женский манекен. – Даже менять или добавлять ничего не надо. Через пару дней я тебя от нее избавлю...

3 августа. Понедельник. Первый день отпуска. Несмотря на установившуюся жару, сезон совершенно провальным для завода. Прошлые годы в это время конвейер работал как сумасшедший, не останавливаясь ни на минуту круглые сутки. Пиво лилось рекой. Нынче словно что-то сломалось, и отлаживаемый годами механизм дал сбой. Антиалкогольная программа все-таки сделала свое дело. Трудно ответить на вопрос, плохо это или нет. Но по этой самой причине меня так легко отпустили в отпуск. Я нахожусь в отличном настроении и даже в какой-то эйфории от еще не проведенных в безделье дней. Утром, один за другим, появились Максим и Вика. Первым был Макс.

– Ну что, готов? – протискиваясь в дверь, спросил он.

– Нет, – ответил я. – Может, отложим затею?

– Брось. Мужики так не поступают. Как спалось-то? Никто ночью не приставал?

Максим хихикнул, и тут же позвонили в дверь. Пришла Вика.

– Привет честной компании, – поздоровалась она. – Что мальчики замышляют?.. А это еще кто у нас? – Виктория прошла в комнату и, не скрывая удивления, ставилась на манекен.

– Это Макс подружку привел, – ответил я.

– Максим, у тебя отличный вкус! И как зовут очаровашку?

– Все случилось так быстро, я даже не успел спросить.

– Классная вещь! Чем займемся?

– Короче, – оживился Усольцев, – предлагаю Витальке ролик прикольный отснять, а он че-то тупит.

– Ерунду потому что ты выдумал.

– Что за ролик? – заинтересовалась Вика. – Что-то с этой Барби? Неприличное, поди?

– Нет. У нас есть еще одна кукла. Она сейчас на крыше.

– Уже интересно! – Вика округлила глаза.

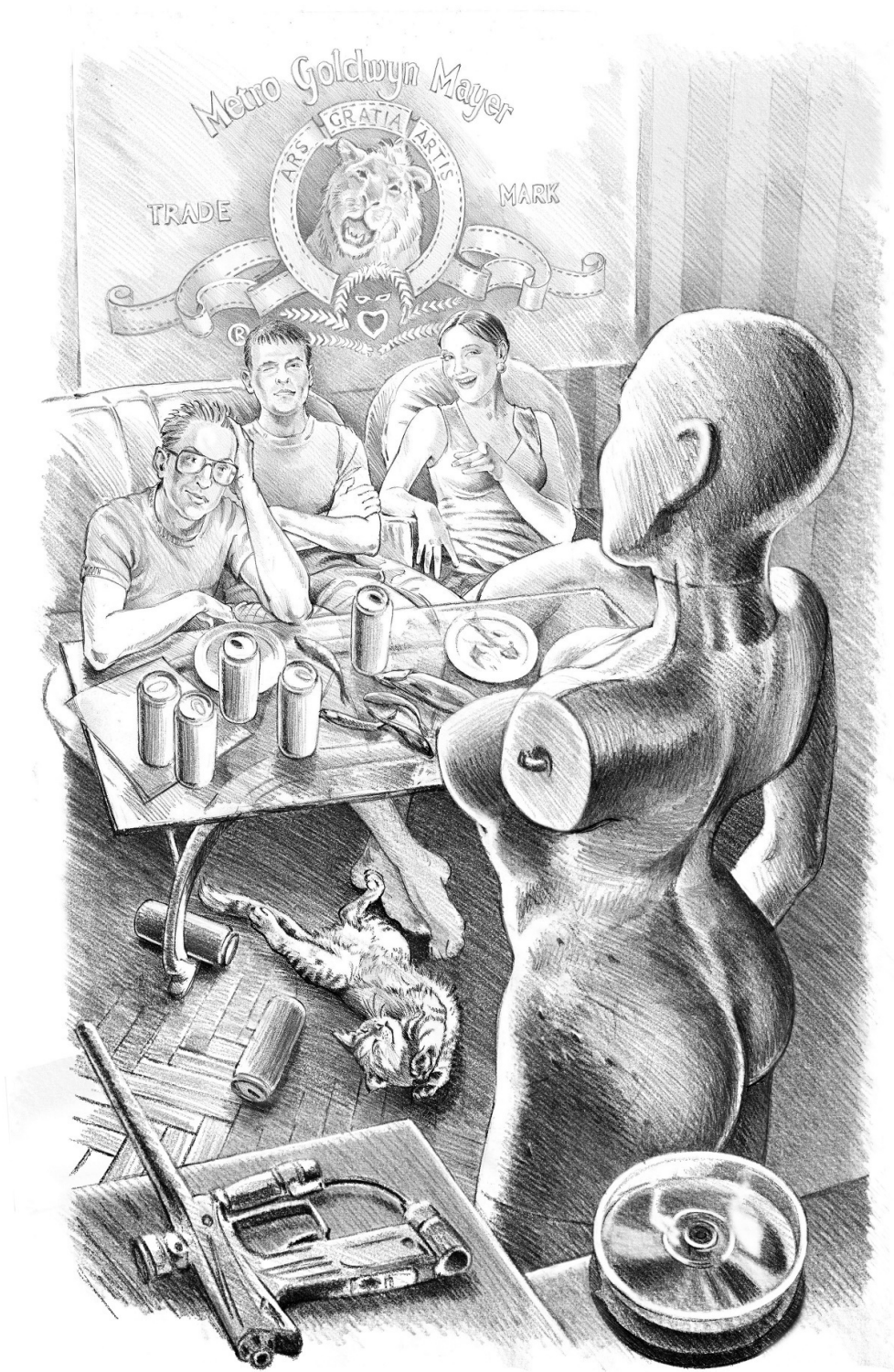
(Какие они все-таки у нее красивые!)

– Эту куклу нужно скинуть вниз.

– Такую красоту? И не жалко?

– Да нет, там мальчишка. А его падение я снял бы на камеру из машины. Вот и все. Что останется от куклы, подберу и вас, по крайней мере сегодня, беспокоить больше не буду. Честное слово.

– Знаешь... В целом мне его идея нравится, – произнесла Вика. – Ни разу в жизни не была на крыше.

– Ну, вы, друзья, даете, – ответил я, неожиданно оставшись в меньшинстве. – У меня даже слов нет.

Утренний воздух, прогретый теплым августовским солнцем, только начинал свое движение, осторожно прикасаясь к нам своим легким дуновеньем. Мы с Викторией стояли на крыше вдвоем, и выше нас были только облака. Виктория с нескрываемым любопытством и с каким-

то детским восторгом смотрела своими большими глазами по сторонам и улыбалась. Находясь рядом с ней, мое сердце нежно трепетало, ритмично выбивая мелодию влюбленного по уши человека, этот ритм хорошо знаком любому романтику или отчаянному экстремалу, получившему свою порцию адреналина. Каждый когда-нибудь слышал его. И нет ничего на свете прекрасней этой музыки. Но тут позвонил Максим. Я поставил мальчишку на край крыши и что было сил толкнул в спину. Через пару секунд снизу послышался глухой удар.

Когда мы с Викой были уже в квартире, Максим перезвонил еще раз.

– Ну и как? – спросил я.

– Да фигня, – ответил Усольцев.

– Я же тебе говорил, очкарик, что ничего не получится. А ты мне не верил. Только время зря потратили!

– Ничего ты не потратил. Все равно заняться нечем было.

– ...

– Понимаешь, я представлял себе, что все будет выглядеть немного по-другому. А он илепнулся, как бревно. Руки-то с ногами толком не шевелятся. Воткнулся головой, башка вдребезги, даже ямку в асфальте небольшую выбил. Шухера особого не было, бабки только с ближайшей скамейки подскочили, но тут же успокоились. Сидят там сейчас, что-то обсуждают. Ладно, я поехал, монтирую, может, что-нибудь и выйдет. Привет Викторши.

Мы с Викой остались вдвоем.

– Как провела выходные? – спросил я.

– Хорошо, – ответила она. – Родители стараются меня сильно не напрягать, но на даче, даже если я ничего не делаю, все равно почему-то устаю. Как они умудряются там отдыхать? Не знаю. А у вас, я гляжу, сплошные приключения?

– Да какие там приключения. Глупость одна. Втянул же меня... Правда, манекен классный?

– Правда. Откуда они у вас?

– На свалке в «Атаке» подобрали. Я бы в жизнь не догадался притащить их к себе домой. А сейчас присмотрелся, думаю, что зря мальчишку с мужиком испортили, может, они даже денег каких-то стоили.

– Интересно, где они раньше стояли? Они же где-то стояли?

– Скорее всего, в витрине фотосалона. Изображали счастливую советскую семью. Зазывали отдыхающих сделать фотку на долгую-долгую память о днях, проведенных в санатории. Году так в пятьдесят пятом... Как насчет завтра? Планы не изменились?

– Нет. Все в силе. Стремно только немного.

(Красивая девчонка, но этот ее жаргон... Где успела нахвататься?)

– Вика, мы же договаривались.

– Я что-то не так сказала?

– Откуда все эти твои слова? Ну, скажи ты не «стремно», а неловко.

– Ладно, тема закрыта. Мне нужно идти, дела кое-какие девичьи...

(Может, я просто зануда?)

Всего месяц, как мой сосед по комнате, которую мы вместе снимали, уехал домой, завершив-таки учебу в колледже. И я, ликуя, наивно думал, что наконец, оставшись в полном одиночестве, могу теперь свободно привести домой любимую девушку, не будучи потревоженным чьим-то внезапным вторжением в самый неподходящий момент. Но видимо, это рок, и кто-то третий будет присутствовать всегда. Эта кукла даже хуже Лешки. Он нет-нет да звонил по телефону. А она просто уставилась и смотрит.

Вика ушла, как обычно, попросив меня ее не провожать.

4 августа. Вторник. Несмотря на будний день, пришлось постоять в очереди. Люди, выстроившиеся в кассы, в первый момент даже немного меня напугали. Было чувство, что придется пропустить утренний рейс. Но нет, билетов хватило всем. Мои волнения оказались напрасными.

– А вот и я, – радуясь встрече, произнесла Виктория в момент, когда, отойдя от окошечка кассы, я рассовывал сдачу по карманам. Она стояла и, излучая свет, улыбалась. За худеньким плечиком у нее был небольшой рюкзачок.

– Привет! – ответил я.

– Сколько до отправления?

– В принципе, можно идти на посадку. Наш рейс объявлен.

– И как ты меня представишь? – уже в автобусе спросила Вика.

– Скажу, что ты моя дальняя родственница.

– А если серьезно?

– Не переживай. С родителями я созвонился сразу после того, как ты согласилась поехать со мной. Они нас с нетерпением ждут.

– И все же... Кто я для тебя?

– Со мной мама разговаривала. Я ей сказал, что приеду со своей девушкой.

– А почему не сказал, что с невестой?

– ...

– Да ладно, ладно. Это я так. На твою реакцию посмотреть захотела.

Всю дорогу, вплоть до самого Уречинска, я отвечал на Викины бесчисленные вопросы. Сидел, слушал и, глупо улыбаясь, что-то говорил в ответ. Интересовало Викторию практически все, что касалось моего родного городка. И за нашими разговорами время пролетело незаметно.

Отец с матерью были очень рады, что их сын приехал не один и что у него появилась девушка. Учась в школе, я редко болтался по улицам без дела, уделяя все свободное время спорту и учебе, потому что хотел во что бы то ни стало поступить в институт на бюджет, а для этого нужно было успешно сдать экзамены. Мое желание было вполне понятным – вырваться из увядающей провинции с ее чахлым неторопливым укладом в полный энергии процветающий город, сделать там карьеру и по возможности посмотреть мир. На ухажи-вание за девчонками у меня просто не оставалось времени.

До самого вечера мы просидели у родителей, не выходя из дома. Под мамины комментарии Вика терпеливо пересмотрела все альбомы с семейными фотографиями и многочисленные дипломы, которые я получил за время учебы в школе, то и дело с улыбкой поглядывая в мою сторону. За ужином, после бокала вина, бутылку которого отец извлек из своих особых запасов, Вику вдруг потянуло на разговоры. Не знаю, что на нее нашло. То ли так подействовал алкоголь, то ли еще какая напасть, но от первоначальной зажатости и несвойственной ей скромности не осталось и следа. Она заговорила обо всем и ни о чем одновременно, перескакивая с одной темы на другую, как будто старалась нагнать план, наверстывая проведенные в молчании часы.

– На прошлой неделе смотрела передачу по кабельному, – не унималась Вика. – Правда, не помню, что был за канал. Да это и не важно. Показывали, как гробы делают. Не у нас. За границей где-то. Очень интересно.

– Да что ты говоришь?! – сказал я, видя, что родители находятся в легком замешательстве от выбранной Викой темы. – И что именно интересно?

– Знаете, я всегда полагала, что смерть человека – это неизбежное, отвратительное, но исключительно редкое событие. А когда маленькая была, то и вовсе думала, что никогда не умру. Наверно, так все дети думают. Несмышленьшии, что с них возьмешь? Потом конечно, подросла, стала постарше и однажды до меня дошло, что всё то, что я вижу вокруг, всё,

к чему могу прикоснуться, в моем распоряжении лишь на очень короткое время, словно дано напрокат. И я для себя твердо решила, что никогда и ни при каких обстоятельствах у меня не будет собственных детей.

После неожиданного Викиного откровения в комнате воцарилась тишина.

– Ну, у тебя и мысли, – немного опешив, сказал я. – Откуда такой негатив? Жизнь прекрасна!

– На самом деле, Виктория, откуда это? Ты такая молоденькая, жизнь еще только начинается. Давайте, за долгую и счастливую, еще по бокалу! Не будем о плохом, – поддержал меня отец.

– Я не договорила. – Вику было уже не остановить. – Так вот, посмотрев эту передачу, я вдруг поняла одну вещь. Сейчас постараюсь объяснить. Только вы меня не перебивайте, пожалуйста. Все дело в масштабе восприятия. Вот представьте. Стоит огромный завод. В его огромных шумных цехах круглосуточно работают огромные станки. Постоянно вращаются какие-то механизмы. Они оглушительно грохочут, выштамповывая различные металлические детали, которые потом бесконечным потоком идут на дальнейшую сборку. А собирают из этих деталей гробы. Собирают, не останавливаясь ни на минуту, в три смены, день за днем, без выходных и праздников. Их красят в различные цвета, покрывая несколькими слоями лака, чтобы придать привлекательный товарный вид. А затем битком набитыми фурами отправляют будущим потребителям. Так вот, когда до меня дошло, кто эти будущие потребители, меня аж затошнило. Я вдруг представила, как за стенами этого ужасного завода работает еще один конвейер, на котором, выстроившись в ряд, друг за другом стоят люди. Где-то среди этих людей нахожусь и я. Лента медленно ползет, выдерживая свой размеренный темп, поступательно двигаясь вперед. Мимо проплывают города, вокзалы, деревья, дома, в общем, все те вещи, что мы ежедневно встречаем в жизни. Я могу ко всему прикоснуться, могу потрогать что-то, попробовать, но вот взять с собой не выходит, потому что я пребываю в постоянном движении, и единственное, что остается со мной, это только какие-то впечатления и воспоминания. Впереди, поодаль, на той же ленте, находятся мои родители. Они оборачиваются, смотрят на меня и улыбаются. Но конвейер не стоит на месте, все движется и движется вперед, и в какой-то момент я начинаю замечать появившееся на их лицах нескрываемое беспокойство. И вот они уже взволнованы, и их волнение постепенно нарастает. Потому что с того места, где они находятся, хорошо видно, как люди, стоящие немного впереди, начинают исчезать на стыке этих двух конвейеров, пропадая в чреве жестяных гробов, словно консервная начинка. Но с моей точки что-то увидеть не представляется возможным, и, не понимая, что там происходит впереди, я глупо улыбаюсь, с любопытством разглядывая постоянно меняющиеся декорации... Что, собственно, я хотела сказать? Так вот. Наша жизнь – это не что иное, как тот самый конвейер, по соседству с которым находится завод по производству гробов. И я не желаю, чтобы на этом конвейере оказались и мои дети, потому что страшнее смерти может быть только ее ожидание. А оно приходит, буквально сразу, как только человек начинает реально осознавать окружающий мир и воспринимать его таким, какой он есть.

– Ну, ты, Вика, даешь. А просто не думать об этом нельзя?

– Тот, кто любит жизнь, не может не думать о ее завершении. А я ее очень люблю. Вот сейчас скажу вам еще одну вещь и ни для кого, наверняка, не открою секрет. Все мы здесь, все без исключения, обречены на смерть. Не новость? Правда? Но ужас этой правды заключается в том, что подписали смертный приговор нам самые близкие люди. Наши любимые родители. Дав возможность появиться на свет. И теперь мы живем, как говорится, в ожидании его исполнения, в точности так же, как смертник, осужденный по расстрельной статье, ожидает своей участи. С той лишь разницей, что нам приговора никто не зачитывал.

– Та-а-к. На сегодня, по-моему, вина достаточно, – произнес внимательно слушающий Вику отец. – Или наоборот?

– Все правильно, – сказал я, вставая из-за стола. – Нам надо немного прогуляться. Думаю, никто не против?

(Жесть.)

Наверно, до поступления в институт я был конченным занудой, потому что, вернувшись домой, даже не знал, куда можно сводить девушку в нашем небольшом городке. Мои немногочисленные друзья после окончания школы так же покинули свою малую родину, разлетевшись в разные концы нашей необъятной страны. И при всем желании я бы не встретил на улице ни одного знакомого, у кого мог спросить, как лучше провести вечер в Уречинске. Мы решили немного прогуляться, пройтись по окрестностям, подышать нормальным, чистым воздухом, таким, какой он должен быть на самом деле, без свинца, пыли и прогорклого запаха горелой резины, одним словом, без всей той гадости, которой обычно забиты легкие любого большого города. Теплая безветренная погода располагала к променаду. Никуда не торопясь, мы шли по тихим провинциальным улочкам, держась, как дети, за руки, и о чем-то говорили. Мрачные мысли, возникшие по необъяснимой причине у Виктории за ужином, развеялись так же быстро, как и поменялось ее настроение. Она шутила и смеялась, а я не лез к ней с расспросами, что это за столом на нее вдруг нашло. Единственным и жирным минусом в нашей прогулке были комары, и, чем ниже солнце опускалось к горизонту, тем больше их становилось в воздухе. Надоедливо пища в августовских сумерках, они кружили над нашими головами, казалось, заполнив все пространство вокруг. Устав постоянно отмахиваться и хлопать себя по различным частям тела, мы решили вернуться обратно, как вдруг Виктория спросила:

– А там что? – указывая рукой на стоящее особняком двухэтажное здание в прошлом старой спортивной школы, где на фасаде, подсвеченном разноцветными неоновыми лампами, маняще переливалась красочно оформленная вывеска.

– Раньше был спортивный комплекс. Я, когда учился в школе, туда легкой атлетикой заниматься ходил, а сейчас, насколько знаю, там дискотеки проводят.

– Пойдем, посмотрим, мне интересно, что там за дискотека за такая. Ну, пойдем, – и Вика потянула меня за руку в сторону клуба.

– Тебе в городе этот шум не надоел?

– Нисколько. Только глянем одним глазком, и все. Сразу домой.

В небольшом, но сильно заросшем сквере, разбитом возле здания дискотеки, мы чуть не налетели на какого-то парня. Тот, нагнувшись, блевал в кустах.

– Обещающее начало, – сказала Вика, поднимаясь по ступенькам лестницы. – Да и название что надо. «Белые камни».

– Название как название. По мне, вполне нормальное.

– Может, для колхоза и нормальное, но так еще отхожее место называют. Сортир, одним словом. Ну, веди, показывай вашу выгребную яму.

Внутри большого темного помещения оглушительно играла музыка. Надрываясь децибелами, огромные концертные колонки наполняли механическими звуками все пространство бывшего спортзала, где, светясь в ультрафиолете целлюлозой одеяний, в ритм с музыкой двигались едва различимые человеческие фигуры. Монотонно звенящие удары расплзались вибрациями по танцполу и, смешиваясь с мелькающими лучами лазерных установок, подобно бубну шамана, вводили присутствующих в транс.

– А внутри довольно мило, я гляжу, рэйв-культура просочилась и в этот забытый богом уголок! Пойдем, потанцуем! – выкрикнула Вика.

Мы прошли в зал, где моя подружка тут же, словно растворившись в оглушительном шуме с едва прослеживаемой мелодией, поплыла в танце, став частицей хаоса окружающих нас телодвижений.

В глубине помещения включился свет прожектора, выхвативший из темноты небольшой подиум, на котором за своим пультом находился диджей. Периодически вставляя в музыкальные семплы бессмысленные фразы, намешанные из русских и английских слов, он вдруг произнес:

– А теперь давайте поприветствуем наших сегодняшних гостей и окажем им радушный прием в стенах самого хлебосольного ночного клуба Российской Федерации! Итак, Виталий Чернов и его очаровательная спутница! Аплодисменты, пожалуйста!

В этот же момент зажглись верхние фонари и музыка ненадолго стихла. Находившиеся на танцполе, щурясь от яркого света, отступили от нас, образовав небольшой круг, и захлопали в ладоши. Через минуту свет погас, вновь заиграла музыка, и погрузившийся во мрак огромный зал наполнился движением.

– Гляди-ка, у вас здесь все по-взрослому, – придя в себя от такого внимания, промолвила Виктория. – А ты, Виталик, в этой местности популярен. Однако! Не ожидала.

Я и сам не сразу понял, что происходит, но мое недоумение быстро разрешилось.

– Здорово! – кто-то хлопнул меня по плечу. – Я тебя сразу заметил, как только вы вошли. – Это был Лешка, сосед по комнате, которую мы на пару снимали в городе. – Привет, Вика. Диджей – мой одноклассник, мы здесь частенько зависаем. Он нас бесплатно проводит. Тусуемся тут с пацанами. Девчонки, бывает, незнакомые появляются, так мы стоим и высматриваем новеньких, знакомимся там, всё такое. В общем, развлекаемся по-своему. Может, по коктейлю? Бармен парень тоже неплохой, сделает всё по высшему разряду. Пойдем, что ли, пообщаемся.

– Слушай, Леша, если твоя мать узнает, что я с тобой коктейли распивал, она тебя, меня и бармена твоего точно приберет. А высший разряд мы только что с Викой наблюдали. Парня в кустах у клуба так скрючило, думаю, до утра не разогнется.

– Брось. Когда я возвращаюсь домой, мои уже десятый сон видят. Да и скучновато сегодня как-то. А Никита просто портвейна обожрался. Коктейли дорогие, их, к сожалению, нам бесплатно не дают.

– Съездили бы с друзьями на рыбалку. На водоем куда-нибудь, отдохнули на природе. Лето все-таки, – сказала Вика.

– Я не рыбак, а друзьям моим этой природы и дома хватает, почти все скотину держат. Им тут интересней.

– Ну, так что? Молодой человек угостит девушку коктейлем? Или нет? – эти Викины слова были адресованы уже мне.

– Ждите меня здесь, – ответил я, указав на ближайший свободный столик, а сам направился к бару. Там заказал две «отвертки» и практически сразу вернулся обратно. Стараясь никого не задеть, со стаканами в руках, я протиснулся к столику, за которым, близко сдвинув стулья, сидели Вика и Алексей. Они о чем-то оживленно беседовали. Заглянув через их головы, я увидел на раскрытой Лехиной ладони кучку разноцветных таблеток круглой формы, лежа-

и их попеременно с продолговатыми красными желатиновыми капсулами. Алексей держал их, вытянув руку над столом, а Вика, тыкая в пилюли своим пальчиком, как мне показалось, что-то ему объясняла. Из-за громкой музыки я не мог разобрать слов, но то, что происходит неладное, понял сразу.

– А вот и я! Что там у вас такое?

– Да так, ничего особенного, – резко сжав пальцы в кулак, ответил Алексей.

– Угощайтесь. – Я поставил стаканы с коктейлем на стол, а сам уселся на стул рядом с Викторией.

Наши разговоры ни о чем длились минут пятнадцать, и, когда стаканы опустели, я поднялся и сказал, что нам пора возвращаться домой. Вика удивилась, но возражать не стала. Мы вышли на улицу и под усеянным звездами небом, раскинувшимися над нашими головами, зашагали по опустевшим улицам уже спящего городка, молчаливо наслаждаясь безмятежным спокойствием летних сумерек, наполненных убаюкивающим стрекотанием сверчков. В какой-то момент Вика произнесла:

– Ты что-то хотел спросить?

– Да. Там, в клубе, у Алексея, это что, амфетамины были?

– Экстази.

– А где он их взял? Ничего не говорил?

– Я дала, – спокойно ответила она.

Я был ошарашен и совершенно выбит из колеи.

– Как ты дала?! А у тебя они откуда?! – тут же посыпались вопросы.

– Откуда, откуда. Какая разница? Также дали. Да успокойся ты, ничего страшного не произошло, это не наркотики – так, ерунда. По крайней мере, лучше, чем бормотуха. Никто не сопьется и не сколется. А вот хорошее настроение и энергии, как у ракеты, гарантировано на всю ночь.

– Слушай, Вика, я, может, не великий мыслитель, но и не дурак, по-моему, за это хорошее настроение срок предусмотрен, и довольно приличный. Ты что, этого не понимаешь?

Вика резко остановилась.

– Виталик, что за плач?! По-моему, это ты чего-то не понимаешь. Купил два самых дешевых коктейля, потратился, называется, на девушку, сэкономил при этом на себе. Какие планы еще на вечер? Может, думаешь, что если ты завтра попросишь моей руки, я тут же выскочу за тебя замуж, нарожаю сдуру кучу детей и с тобой, таким правильным, всю свою жизнь, без копейки денег за душой, буду скитаться по съемным квартирам и этому умиляться? Нет, дорогой, я считаю, что пока мы молоды, нужно получать от жизни все, что она может дать, а ты, если уж завел себе девушку, будь добр, научись за ней ухаживать. Сам не знаешь как, так спроси у нее, она подскажет.

– Ну, давай, подскажи.

– Виталий, в наше время все решают деньги, все зависит от них, проклятых. Когда ты финансово независим и не ходишь с протянутой рукой, кланча последние копейки у своих родителей, то сразу начинаешь чувствовать себя человеком и голова перестает болеть, как их потратить так, чтобы еще на что-то осталось. В общем, когда у тебя есть денежки, тебя все любят.

– Послушай, Вика, если дело в деньгах, то я думаю, можно найти работу какую-нибудь. Днем работать, вечером учиться. Или наоборот. Да и живем мы, наверно, не только для того, чтобы каждый день глохнуть в клубе от музыки. И тем более торговать наркотой.

– Котик, если ты будешь днем учиться, а вечером работать, то когда жить-то, ведь ночью спать надо, дурачок. Не знаю, для чего ты живешь, Виталик, какое такое особое предназначение себе выдумал, а я просто живу, дышу и познаю мир, чтобы потом благополучно

умереть, как умирают, по обыкновению, все люди. И давай этот разговор закончим. Я тебя поняла...

5 августа. Среда. С первым автобусом мы прибыли в город. Вика всю дорогу безмятежно проспала на моем плече, а я, как ни пытался, так и не смог сомкнуть глаз. Ночной разговор внес какую-то сумятицу в мое наивное сознание. С одной стороны, я знал, что на сто процентов прав, с другой стороны, и Вика была по-своему права. Должность лаборанта на пивзаводе особого дохода мне не приносила, денег вечно не хватало, и я постоянно брал в долг. В основном, конечно, у Максима. Ну как это может не раздражать? Макс не работает, но деньги у него водятся, а у меня в карманах такой сквозняк, что даже простыть реально. Да и к родителям я в основном ездил, когда оказывался на мели.

– Кому звонишь? – поинтересовался я у Викторши на остановке возле автовокзала.

– Такси вызываю, – ответила она.

Разговор у нас как-то не клеился, мы стояли молча и каждый смотрел в свою сторону. Подъехала черная «тойота». Из машины вышел здоровенный мужик, одетый в спортивный костюм.

– Может, тебя проводить? – спросил я Викторшию, с недоверием поглядывая на угрюмого дядьку, тело которого с трудом помещалось в водительском кресле.

– Не надо. Потом от меня тащить придется.

– Как доберешься, перезвони. Хорошо?

– Хорошо.

– Вечером увидимся?

– Конечно, – сказала Вика и, немного подумав, добавила: – Завтра.

6 августа. Четверг. Вчера Виктория так и не позвонила. Пытался дозвониться сам, но она не отвечала. Остаток дня провел в одиночестве, сидя у телевизора. Сегодня попытался вспомнить, что смотрел, но так и не смог. Все мои мысли были где-то в Уречинске возле «Белых камней». На часах одиннадцать вечера, четверг тоже пролетел в мучительном ожидании одного-единственного звонка. Я даже из дома не выходил, боялся, что Виктория может прийти в мое отсутствие. Вдруг у нее просто сломался телефон? Два дня в четырех стенах и компании манекена. Хуже нет. В голову лезет всякая ерунда. Перед глазами постоянно маячит тот здоровенный мужик из «тойоты». Пошел третий месяц, как мы встречаемся с Викторией, а я даже не знаю ее точного адреса. Действительно, женишок что надо. Что же я сделал не так? С момента нашего знакомства не припомню случая, когда мы не понимали бы друг друга. Перемена в ее поведении произошла сразу по приезде к родителям. Может, все дело в них? Они чем-то не приглянулись? Сильно простоваты для нее? Но мне кажется, отец с матерью лезли из кожи вон, чтобы Вика чувствовала себя как дома. А что, собственно, я сам знаю про Викторшию и ее родителей? Как ни странно, мы познакомились в ночном клубе. Странно потому, что все мои походы по таким заведениям можно пересчитать по пальцам. И нужен был особый случай, чтобы затянуть меня на дискотеку. Трудно полностью восстановить в памяти тот день, но какой-то повод у нас тогда с Максимом был. Сначала мы с ним пили пиво в павильоне рядом с моим домом. Было скучно. Никаких планов и никаких идей на продолжение вечера. Да. Отправиться в клуб предложил Усольцев:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.